

КОНЕЧНО ЖЕ, заметки академика Д. С. Лихачева, с которыми он выступил в третьей книжке «Нового мира», не могли не привлечь к себе самое пристальное и, пожалуй, самое острое и нетерпеливое внимание читателя. Нетерпеливое потому, что у прочитавшего их возникает жгучее желание тотчас же, немедленно, не откладывая этого дела ни на час, с кем-то поделиться собственными мыслями по затронутому автором чрезвычайно важному вопросу, вокруг которого на протяжении столетий накопилось так много взрывчатого материала и скапливалось такое же количество как высоких, так и низких человеческих страстей.

И не рецензию хочется писать, а сестру бы рядом с академиком либо положить перед собой чистые листы бумаги да не спеша поразмышлять либо с ним, либо с самим собой по всем главам новой его работы, в общем-то, естественной для этого ученого и все-таки во многом для нас неожиданной, Д. С. Лихачев в самом

начале своих «Заметок о русском» предупреждает, что они вызваны к жизни соображениями полемическими. Это и понятно, потому что до сих пор еще ощущается настоятельная необходимость просвещать не только иностранку по имени Франсуаза, но и некоторых соотечественников относительно того, как надобно понимать русский национальный характер.

Для многих (к их числу смею причислить и себя) в работе Д. С. Лихачева вообще нет ничего полемического, потому что нельзя не согласиться с его мыслями, всегда глубокими и всегда основанными на изучении характера русского человека во времени и пространстве,

лейших оснований кичиться своей национальной исключительностью. Все мы едины в своем бесконечном многообразии, и все мы, если хотите, загадка, до конца не разгаданная, — в том-то и прелесть людского общежития на планете Земля.

Прост, как правда, — говорится о Ленине в воспоминаниях А. М. Горького. Он открыт, как небосвод над нами, как Вселенная. Но разве Вселенная не остается для нас во многом еще загадкой? Разве гений Ленина разгадан и изучен нами до конца? Кто рискнет ответить на этот (скорее, риторический) вопрос утвердительно?

«Мы не знаем о себе самых

Национальные особенности сближают людей, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации».

При всем при этом, иными словами говоря, при глубоком понимании всего этого, автор не скрывает своей горячей любви к России, к русскому во всем без исключения главах своего произведения.

Мы — россияне!

Так, вероятно, подумалось не единожды каждому из нас, родившемуся на земле по име-

той мы теперь создали могучую Советскую Россию. Россия дала нам и всему миру Ленина. А сам Ленин (Володя Ульянов) — и это важно подчеркнуть — вырос в семье, где неукословно, соблюдалось правило: все ее члены были окружены глубочайшим взаимным уважением и были равны друг перед другом как в своих правах, так и в своих обязанностях — старшие в отношении к младшим, младшие в отношении к старшим.

Россия — первая среди равных; это понимается как место, которое она занимает меж своих сестер — союзных с нею республик. Если иметь в виду русского человека, то его нередко называют старшим

Взять хотя бы толстовского «чудака» капитана Тушина, не отыскавшего ни единого слова в свою защиту и готового уж нести кару от Багратиона за свой несомненный подвиг, и понес бы это наказание, не вступил бы за него Болконский. Кого чаще всего вспоминают и с неизменно доброй улыбкой, в стало быть, и с любовью, когда говорят о героях шолоховской «Поднятой целины»? Конечно, Семена Давыдова, и, разумеется, Макара Нагульнова, а также и дедушку Щукаря, этого самого бескорыстного чудака. Все, или почти все, наиболее яркие и любимые автором герои Василия Шукшина — наши современники, люди с чудинкой. Они не выдуманы. Они приходят на страницы книг из жизни. Они — тоже носители черт русского национального характера. Черты эти, вероятно, присущи и людям других стран, других национальностей. Важно другое: доброта, о которой говорит автор заметок, предполагает глубокое уважение к другим народам. «Осознанная», — подчеркивает он, — любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим».

Многолетние размышления над важнейшим вопросом жизни выливаются у автора в законченные, похожие на афоризмы формулы. Они следуют одна за другой к концу работы. Вот они: «Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы»; «Истинный патриотизм в том, чтобы обогащать других, обогащаясь сам духовно»; «Культура должна быть открытой»; «Патриотизм — это благороднейшее из чувств»; «Национализм же — это подлейшее из несчастий человеческого рода».

Формулировки эти, может быть, так бы и остались формулировками, если бы им не предшествовал глубокий анализ исторических фактов, приводимых академиком Д. С. Лихачевым на протяжении всей книги.

Да, это книга, малая по количеству страниц, но большая и емкая по заключенным в ней мыслям, в высшей степени важным, в не меньшей мере своевременным и глубоким. О ней еще много будут говорить и писать.

Новая работа ученого стоит этого.

Михаил
АЛЕКСЕЕВ

И

КОРНИ И КРОНА

Размышления над «Заметками о русском»
академика Д. С. Лихачева

простых вещей», — говорит Д. С. Лихачев в первом же абзаце своих заметок. И нередко, в упоении любви, забываем, что «у России, как у большого дерева, большая корневая система и большая листовая крона, соприкасающаяся с кронами других деревьев».

Полагаю, что строки эти появились в самом начале авторских размышлений не случайно, ибо они — лейтмотив, они — основа, на которой выткан и держится все полотно; в них-то, думается, и заключен полемический смысл, заключена полемика с теми, кто не знает «самых простых вещей». Говорит ли автор о природе и доброте, о просторах и пространстве, о русском ли характере, о пейзажах, о природе других стран и даже о садах и парках, он не забывает напомнить читающему, что «национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других.

ни Россия, земле, давшей не только приют, кров, пищу более чем ста национальностям и народностям, но и горделивое чувство личной причастности к чему-то уж очень значительному и возвышенному, что так или иначе связано с понятием России. Мы могли бы указать на многое из того, что дала она миру, что наполнило ее великим содержанием, что составляет ее своеобразие, неповторимость, и простое перечисление всего этого заняло бы немало страниц, куда больше, чем в рецензируемых нами заметках. Конечно, для начала (как это и делает Д. С. Лихачев) мы бы вспомнили о ее чисто пространственном, географическом, что ли, величии, дающем ощущение бесконечности. — от одного этого уже захватывает дух. Об этом позаботились в далекие еще времена наши мужественные предки, оставившие нам в наследство безбрежную Русь, на ко-

братом. И не только в других республиках, но и в его собственной, ибо в понятие «россияне» входят и представители более ста национальностей и народностей, о которых сказано выше.

Нельзя не подивиться многим исключительно точным наблюдениям Д. С. Лихачева. Например, в главе «Еще о доброте» немало строк отведено русским «дурачкам», едва ли не самым главным положительным героям сказок и былин. Автор говорит об этих дураках без кавычек, поскольку и в сказках их не заключали в кавычки, хотя во всех случаях сказочные русские Иваны-дураки оставляли в дураках царствующих особ и разного рода вельмож, поскольку были и умнее их, и порядочнее, бескорыстнее и добрее. В более поздние времена русская, скажем, литература проявляла (да, кажется, проявляет и по сей день) участливое внимание к людям с так называемой чудинкой, полученной, пожалуй, в наследство от сказочного ершовского героя, то есть от Иванушки-дурачка.